

Ирина ЛЕЖАВА родилась в Киеве, выросла в Тбилиси, последние десятилетия живет в Москве. Окончила Литературный институт им. Горького – второе высшее. Публикуется в интернете, бумажных журналах и сборниках. Переводилась на английский, испанский, украинский, болгарский и венгерский языки. Автор нескольких книг, одна из которых «Так сказал Заратустра» вошла в число призеров конкурса «Её величество книга!» в 2013-ом году, став «серебряным лауреатом» по рейтингу Международной гильдии писателей. Вторая – «Причитание» – получила диплом той же гильдии «За высокое художественное мастерство» в 2014-ом.

ВЕТЕР ВРЕМЕН СЕДОЙ

Конечно, я обрадовалась, узнав, что у Лидии Рыбаковой вышла новая книга: не один год интересуюсь Лидиным творчеством – эмоциональное, чувственное в нем органично переплетено с тем, что подталкивает к размышлению.

И вот мой взгляд ощупывает обложку поэтического сборника. На картинке – изысканная янтарная брошь или нечто, не менее драгоценное. Внутри теплого медового марева различаю закатное море, на его фоне – силуэтом – целующихся мужчину и женщину. Ниже надпись: «Земля влюбленных». Многообещающе!

Перелистываю страницы поэмы «Янтарный замок»:

Там, где выцветшие дюны
сбились в тесную отару,
где сердца людские юны,
а легенды очень стары,
где в оправе сосен медных
воды Балтики – агатом...

Вдруг начинаю понимать, что читаю особенную книгу – структура текста напоминает ожерелье из мелодичных песенных бусин, нанизанных на суровую нить балтийского эпоса. И это именно причудливое ожерелье,

а не пересказ эпоса хорошим русским языком: автор поставил и решил гораздо более сложную художественную задачу – заново переосмыслил предание и осовременил его.

Словно дождь, звенели струны.
Пел рыбак – и не заметил
света глаз зелёных, юных,
самых ясных глаз на свете...

Русалка Юрате влюбилась в рыбака Каститиса. Она – дочь бога-громовержца Перкунса, он – смертный сын бедной вдовы Сигуте. Молодые герои равны друг другу красотой и благородством характеров, но они существуют в непересекающихся мирах. Как же трудно будет им дотянуться друг до друга!

Автор рисует бога Перкунса добрым отцом: он не наказывает дочь за недостойную, с его точки зрения, страсть к человеку, но пытается ее отвлечь. Строит для Юрате прекрасный янтарный замок и обещает выдать замуж за любого, кто ее развеселит. Крепя сердце, держит слово, хоть и не считает Каститиса парой своей дочери.

Каков мир богов, по Лидии Рыбаковой?

Там – начало всей Природе.
А в конце – мы все там будем.
Называют Беловодьем
и Буяном остров люди.
В центре – сам отец растений,
силой жизни напоённый.
Ось миров, Носолум древний,
царь дубов вечнозелёный...

В песне «Три сферы мира» невзначай приоткрывается потайное отделение «Янтарного замка». Величественное древо жизни уходит корнями в темные нижние миры и достаёт кроной до светлых небес. Это мировая вертикаль, разделяющая верх и низ и удерживающая равновесие между ними. Любовь русалки и человека завязывает вертикаль в тугую узел, сводя в одну точку светлое и темное. Недаром пророчила Гильтине-смерть: и богов настигнет кара, если они сойдут со стези, предписанной властительницами судеб (их колоритный портрет нарисован в песне «Судьба»):

Чуть не брызжет силой зрелой,
с ликом ярым и зовущим,
крутобёдра, полнотела,
в центре –
Матерь всех живущих.

Ловко, устали не зная,
нить сучит – и веретёнце
кружит, судьбы навивая,
и жужжит,
как шмель под солнцем.
Рядом с ней – отроковица,
у неё кудель. Ей тяжко,
еле держит!
Аж кривится,
так старается, бедняжка.
Третья – древняя старуха,
от неё подмоги мало:
слушает она вполуха,
смотрит мимо...
Не пристало
ей работать
– возраст вышел –
и в безделье, словно гостья,
головой трясёт, чуть дышит,
и на солнце греет кости.
Но порою встрепенётся,
схватит нить рукою жадной,
да и дёрнет...
Оборвётся
чья-то жизнь...

Отменить приговор рока не в силах даже могущественный Перкунс – у любви Юрате и Каститиса нет будущего. Новоиспеченный муж несчастлив в янтарных покоях, он тоскует по берегу и горюющей матери. Без любимого не мило подводное царство и русалке-жене. Минутный гнев, спровоцированный злобной Гильтине, заставляет Перкунса поразить сбежавшую дочь молниями:

– Возвратись! – шипели искры.
– Поверни! – гремели громы.
– Дочь!
– кричал отец, неистов, –
Дочка! для тебя хоромы
строил!
Дочь! Вернись: я знаю,
каждый платит за беспечность:
мимолётна страсть земная,
а тебе – открыта вечность!

Как отмечалось выше, Юрате Лидии Рыбаковой отличается от классического образа: она не только женственна и чиста сердцем, но и независима в поступках. Дочь грозного отца смеет полюбить первой и лишь через время добивается взаимности. Она отважна и жертвенна, всем рискует ради любимого и погибает, спасая его:

–Высока цена свободы:
жизнь за краткое мгновенье.
Пусть следы размоют воды,
ухожу без сожаленья.
Я горда, что мы посмели!..

Каститису тоже присущи черты современного мужчины: он мыслитель и поэт, но не воин, каких воспевает эпос:

Пал Каститис на колени.
Кулаки сжимал, стеная:
– Как я мог хоть на мгновенье,
пережить тебя, родная?
Небеса! Вы бессердечны!
Жизнь людей для вас потеха...

Так оплакивали погибших героев верные жены и возлюбленные древности...

Смолк старик – и только пальцы
жили будто бы отдельно:
пел и плакал старый канклес
о любви, что беспредельна,
о родителях и детях,
о любви к родному краю...

Потерявший Юрате Каститис посвятил себя слаганию сказания о ней – интересно, правильно ли поняла я намек автора? Но даже если и не совсем правильно, второй вывод из прочитанного не вызывает у меня сомнений: поэзия вообще, и поэзия любви в частности, неподвластна Гильтине-смерти, она свободно парит над житейским и побеждает вопреки его логике.

Отзвучали последние строки «Янтарного замка», но путешествие по «Земле влюбленных» продолжается. За поэмой следуют стихотворные баллады. Полные мистики, литературных аллюзий, они выразительны и мудры.

Герой «Волчьей ночи», не зная, что любимая жена – оборотень, вытаскивает заговоренный нож из деревянной колоды и обрекает ее навсегда

остаться волчицей. Героиня стихотворения «Это я!» – тоже оборотень, в страхе закликает любимого:

Отправляйся домой.
Отдохни до зари.
Сквозь прицел,
друг родной,
на меня не смотри!

Рискну предположить, что порой наши современницы, не имеющие отношения к оборотням, молят мужей приблизительно о том же.

Или история сильно полюбившейся мне «Евы»:

Она родилась в чужом саду.
Она не знала,
что из ребра.
И – может быть, на свою беду –
была задумчива и добра.
Она нашла угасший очаг...

Нелегка женская доля, но она многому учит – например, любви вопреки ревности, страху, взаимному непониманию:

Про змея с яблоком – всё враньё.
Сказка и сказка,
для малышей.
В небе – тощее вороньё.
В зрачках – зола отгоревших дней...

Женщина и любовь неразделимы, поэтому такой естественной выглядит концовка «Евы»:

...В ушах стучало: огня, огня!
Я вся горю – отчего так?
Адам,
верни,
догони меня!
Мне же не жить без тебя,
дурак...

Интрига баллады «Вампум» несравнимо сложнее: валлийский принц Мэдок Гвинедд получает от индейского вождя послание-вампум

с предложением руки его дочери — ведь Мэдок похож на Кецалькоатля и, по мнению индейцев, является его воплощением:

Божественный Змей! Ты живёшь далеко,
ты вышел на берег морской далеко,
но птицею весть долетела легко
о боге, чья кожа как молоко,
а кудри – как золото,
с брадою богатой,
торчащей, как будто маиса ростки...

Перед тем, как добраться до адресата, вампум проделал длинный путь: за него заплачено жизнями многих гонцов. Единственный выживший влюблен в обещанную Кецалькоатлю невесту. Выполнив свой долг по передаче послания, гонец убивает соперника и гибнет от руки его свиты. Не желая предать любимого даже ради всесильного бога, кончает с собой и дочь вождя. А ведь Мэдок мечтал вовсе не о ней, а об оставленной дома невесте:

валлийке, чья кожа как молоко,
чья волосы – золото
и тело – богато,
румянец нежнее, чем роз лепестки.

Валлийская девушка тоже стала жертвой столкновения не понимающих друг друга культур – разве нас не потрясает подобными сюжетами сегодняшний день?

Все до одной баллады сборника удались. Хороши и оптимистичная «Песня миннезингера», и ностальгическая «Бетси Логан», и тоскливая «Сольвейг», и загадочная «Девять жизней»:

Жизни листаешь нервно ты:
каждая –
краткий стон...
Помнишь ли имя первое,
главное
из имён?
Знаешь свои рождения?
Или,
как сизый дым,
их унесёт забвение
ветром времён
седым?

Похоже, «ветер времен седой» не только уносит, но и возвращает забытое. Воплотившаяся в новые формы старина становится частью современного мира. Восемь не слишком счастливых жизней на земле за спиной у извечной женщины – разве может не повезти ей в девятой, которая пока в самом начале?

«И снова в жизнь...» – это устремленное в будущее одностиишие завершает книгу, корни которой растут из прошлого, а душа принадлежит настоящему. Мастерски рифмованные и ритмизованные стихотворные распевы, дополненные символичной графикой Яны Казаченко, сливаются в единый образ изменчивой женской вселенной.

В очередной раз убеждаюсь, что Лидия Рыбакова пишет философские стихи, которые следует смаковать, а не просматривать мимоходом: каждое оставляет долгое тонкое послевкусие –нет-нет да всплывет в памяти понравившаяся строка.